

Любовь с чеком?

Данияр Аклбеков

Любовь с чеком

<https://litres.ru/74314658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто должен платить на первом свидании? Почему мужчина всё чаще спрашивает: «А почему я должен?», а женщина может быть финансово независимой и всё равно ждать от него щедрости?

«Любовь с чеком?» — книга о том, как меняются негласные правила отношений между мужчиной и женщиной. Экономическая самостоятельность женщин, кризис традиционной роли мужчины, 50/50, «тарелочницы» и «пополамщики», приложения знакомств, социальные сети, демонстративное потребление и новые формы отношений сделали вопрос денег частью более глубокого разговора о близости.

Опираясь на исследования, статистику, историю и реальные жизненные ситуации, автор разбирает, почему старый договор между мужчиной и женщиной перестал быть очевидным, а новый пока приходится создавать каждой паре самостоятельно.

Эта книга не объясняет, кто кому должен платить. Она задаёт более сложный вопрос: можно ли сохранить любовь и взаимность, когда каждый из нас по-разному понимает, что именно он вкладывает в отношения?

Содержание

От автора	5
Введение	8
Часть I. Глава 1	22
Когда мужчина платил не просто так	22
Мужчина-кормилец тоже имеет историю	26
Как обязанность становится уходом	30
Щедрость, которую нельзя отделить от зависимости	34
А если женщина может заплатить сама?	37
Цена традиции	40
Глава 2. Женщина, которой мужчина больше не нужен для выживания	44
«Я могу сама» — новая историческая возможность	47
Когда мужчина перестаёт быть условием взрослой жизни	51
Если деньги не нужны, зачем смотреть на деньги?	54
Деньги как информация	57
Независимость до первого ребёнка	59
Когда женщина зарабатывает столько же	62
Женщины стали образованнее. А кого они хотят рядом?	65

Что происходит с романтической щедростью	68
Независимость как свобода требовать	72
Свобода не создаёт общего правила	75
Глава 3. Почему я должен?	78
Обязанность, которая была частью мужской идентичности	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Любовь с чеком

От автора

Я не психолог, не социолог и не специалист по отношениям. Эта книга не пытается научить мужчин и женщин, как им правильно жить, любить, платить на свиданиях или строить семью.

Она появилась из разговоров.

Из историй друзей и подруг. Из споров за ужином. Из неудачных свиданий, счастливых браков, разводов, новых знакомств и вопросов, которые всё чаще звучат вокруг нас.

Почему мужчина должен платить?

А должен ли вообще?

Почему для одной женщины предложение разделить счёт — признак отсутствия интереса, а для другой — совершенно нормальная вещь?

Почему мужчина может почувствовать себя использованным после дорогого свидания?

И почему женщина может почувствовать себя товаром, если понимает, что за потраченные на неё деньги от неё ожидают чего-то взамен?

Я слышал десятки подобных историй. Иногда они смешные. Иногда неприятные. Иногда люди в них говорят совершенно противоположные вещи — и каждый при этом уве-

рен, что именно его представление об отношениях является нормальным.

Мне стало интересно не определить, кто из них прав.

Мне стало интересно понять, **почему мы вообще начали так много считать.**

Деньги. Время. Подарки. Ужин. Внимание. Секс. Заботу. Возможности. Годы, потраченные на отношения.

«Сколько я вложил?»

«Что я получил взамен?»

«Что он для меня сделал?»

«Что она мне дала?»

«А стоит ли этот человек моих усилий?»

В этой книге будут исследования, статистика, история, экономика и мнения специалистов. Но будут и обычные человеческие истории — мои, моих друзей, знакомых и людей, с которыми я разговаривал, работая над этой темой. Некоторые обстоятельства и детали таких историй могут быть изменены, чтобы сохранить частную жизнь их участников.

Я не хочу заранее доказывать, что мужчины стали жаднее, женщины — меркантильнее, любовь исчезла, а современные отношения окончательно превратились в рынок.

Возможно, часть этих утверждений вообще окажется неправдой.

Мне интереснее другое: **почему огромное количество людей сегодня чувствует именно так?**

Что изменилось между мужчиной и женщиной за послед-

ние десятилетия?

Почему старые правила отношений больше не кажутся очевидными, а новых общих правил пока не появилось?

И что происходит с любовью, когда два человека приходят в отношения с совершенно разными представлениями о том, кто кому что должен?

Поэтому эта книга — не инструкция.

Скорее, это попытка разобраться в одном очень простом и одновременно неудобном вопросе:

сколько стоит любовь — и должна ли она вообще что-нибудь стоить?

Введение

Почему мы начали считать

Первое свидание редко начинается с разговора о деньгах, хотя деньги почти всегда присутствуют где-то рядом. Нужно выбрать место, решить, насколько дорогим оно может быть, понять, кто приглашает и что вообще означает приглашение. В конце вечера появляется счёт, и даже если оба человека относятся к нему совершенно спокойно, сам момент оплаты способен неожиданно показать, насколько по-разному они представляют себе отношения между мужчиной и женщиной.

Один мой знакомый рассказывал о свидании, которое, по его словам, прошло вполне удачно. Они долго разговаривали, заказали ужин и вино, договорились как-нибудь увидеться ещё. Когда принесли счёт, девушка предложила разделить его пополам. Он согласился. Позже выяснилось, что именно этот эпизод почти полностью изменил её впечатление от вечера. Она не рассчитывала на бесплатный ужин и действительно была готова заплатить за себя, но его согласие почему-то восприняла как отсутствие особого интереса. Он, узнав об этом, был искренне удивлён: если она сама пред-

ложила разделить счёт, почему он должен был понять, что правильным ответом было отказаться от её предложения?

В этой истории нет особенно большой драмы. Скорее наоборот: она интересна своей обыденностью. Подобные недо-разумения возникают постоянно именно потому, что каждая сторона действует в соответствии с правилами, кото-рые кажутся ей естественными. Один человек воспринимает оплату ужина как часть традиционного ухаживания, дру-гой — как необязательный жест, который не должен опре-деляться полом. Для кого-то предложение заплатить за жен-щину означает интерес и заботу, для кого-то привычку, вос-питание или просто удобство. Разделённый счёт тоже может иметь десятки значений: от уважения к самостоятельности другого человека до желания обозначить дистанцию. Про-блема состоит в том, что значение одного и того же действия далеко не всегда очевидно тому, кто находится по другую сторону стола.

Эта книга появилась из похожих разговоров. Среди моих друзей и знакомых постепенно накопилось слишком много историй, в которых деньги оказывались связаны с отноше-ниями гораздо теснее, чем принято признавать. Мужчины рассказывали о свиданиях, после которых чувствовали, что их использовали. Женщины говорили о мужчинах, которые после ужина или дорогого подарка начинали вести себя так, словно приобрели право на особое отношение. Кто-то спо-рил о раздельном бюджете в браке, кто-то не понимал, поче-

му финансово независимая женщина одновременно ожидает от мужчины дорогих подарков, а кто-то, напротив, считал, что именно возможность женщины самой оплачивать свою жизнь делает мужскую щедрость настоящим жестом, а не исполнением неизбежной обязанности.

Сначала эти споры кажутся довольно простыми. Можно быстро занять одну из привычных позиций и дальше подбирать аргументы в её защиту. Мужчина обязан платить, потому что так устроено ухаживание. Мужчина ничего не обязан, потому что мужчины и женщины равны. Женщина имеет право ожидать щедрости, потому что финансовое поведение многое говорит о мужчине. Женщина не должна оценивать серьёзность намерений по размеру расходов. Все эти утверждения легко встретить в разговорах, социальных сетях и колонках об отношениях, однако почти каждое из них предполагает существование некоторого общего правила, которого в действительности, возможно, уже нет.

Именно отсутствие такого общего правила кажется мне более интересным предметом исследования, чем спор о том, кому доставать банковскую карту после ужина.

На протяжении значительной части истории экономические отношения между мужчинами и женщинами были встроены в социальную систему, в которой их возможности заметно различались. Формы этой зависимости были разными, поэтому было бы ошибкой описывать прошлое как единый период, когда мужчина зарабатывал, а женщина сиде-

ла дома. Положение женщины в крестьянской семье, городской буржуазной среде XIX века, советском обществе или американском среднем классе середины XX века различалось очень существенно. Тем не менее доступ к собственности, профессиям, самостоятельному доходу и возможности жить независимо от семьи или мужа долгое время был для женщин ограничен гораздо сильнее, чем сегодня. Это обстоятельство неизбежно влияло и на устройство брака, и на распределение материальных обязанностей.

Когда мужчина являлся главным или единственным источником семейного дохода, его финансовая роль была частью общей конструкции отношений. Она была связана не только с романтическими представлениями о щедрости, но и с устройством труда, собственности, брака и семьи. Поэтому современный спор о том, должен ли мужчина платить, трудно понять, если рассматривать его исключительно как вопрос хороших манер. Многие привычные нормы ухаживания сформировались в мире, где экономические роли полов были устроены иначе.

За последние десятилетия положение женщин существенно изменилось. Женщины получили гораздо более широкий доступ к образованию и профессиям, стали самостоятельно зарабатывать, покупать имущество, строить карьеру и принимать финансовые решения без обязательной зависимости от мужчины. Масштаб этих изменений неодинаков в разных странах и социальных группах, и в книге его необходимо

будет подтверждать конкретной статистикой, а не общими впечатлениями. Для нашего разговора важен сам факт перестройки экономической основы отношений: там, где женщина способна обеспечивать себя самостоятельно, традиционная модель мужского обеспечения уже не может объясняться только материальной необходимостью.

При этом культурные ожидания меняются значительно медленнее экономических условий. Именно поэтому современная женщина может совершенно последовательно считать себя финансово самостоятельной и одновременно ожидать, что мужчина пригласит её в ресторан, оплатит ужин, будет дарить подарки или возьмёт на себя большую часть расходов в серьёзных отношениях. Внутри её системы координат здесь может не быть никакого противоречия. Самостоятельность означает способность жить без материальной поддержки мужчины, а щедрость партнёра относится уже к другой области — к интересу, заботе, привлекательности определённого типа мужского поведения или представлению о желаемых отношениях.

Мужчина, однако, может воспринимать ту же ситуацию иначе. Если равноправие предполагает экономическую самостоятельность обоих партнёров, он вполне может задать вопрос, почему определённые финансовые обязанности продолжают считаться мужскими. Причём этот вопрос необязательно появляется из-за недостатка денег. Человек может позволить себе оплатить свидание и всё равно не считать это

своей автоматической обязанностью. В таком случае разговор уже касается не уровня дохода, а изменения представлений о роли мужчины.

Мне кажется важным различать эти вещи, потому что объяснение современной ситуации одной только стоимостью жизни было бы слишком простым. Конечно, жильё, образование, кредиты, нестабильность рынка труда и другие экономические факторы влияют на то, сколько денег человек готов тратить на знакомства и отношения. Это можно и нужно исследовать. Но фраза «я не понимаю, почему именно я должен платить» говорит о другом. В ней слышно сомнение в самой норме, а не только в возможности ей соответствовать.

Подобный пересмотр идёт далеко не только вокруг первого свидания. Он касается того, кто должен обеспечивать семью, как делить расходы в браке, обязан ли мужчина оплачивать отпуск, должен ли подарок соответствовать уровню дохода, нормально ли женщине хотеть партнёра, который зарабатывает значительно больше неё, и что означает ситуация, в которой основным кормильцем становится женщина. За каждым таким вопросом скрываются остатки старых ожиданий и новые представления о равенстве, причём они далеко не всегда складываются в непротиворечивую систему.

Параллельно с этим деньги приобрели ещё одно неприятное свойство: они всё чаще становятся поводом подозревать другого человека в скрытом расчёте. В мужских обсуждениях отношений появилось слово «тарелочница» — обозначе-

ние женщины, которая якобы ходит на свидания прежде всего ради бесплатного ресторана. Само существование такого поведения не вызывает сомнений хотя бы на уровне отдельных случаев, однако совершенно другой вопрос — насколько оно распространено и соответствует ли масштаб интернет-дискуссии реальному масштабу явления. В книге это необходимо будет проверять отдельно. Делать вывод о поведении миллионов женщин на основании вирусных историй было бы таким же плохим исследовательским методом, как судить обо всех мужчинах по нескольким особенно неприятным свиданиям.

Гораздо интереснее разобраться, почему образ «тарелочницы» оказался настолько понятным и живучим. Он выражает вполне конкретную тревогу: опасение мужчины, что его интерес, деньги или социальный статус будут использовать без настоящего интереса к нему самому. В среде, где знакомство всё чаще происходит с незнакомым человеком через приложение, а свидание может оказаться первой и последней встречей, финансовое вложение действительно начинает восприниматься иначе, чем в отношениях, которые уже имеют историю.

У женщин существует свой вариант недоверия. Оплаченный ужин или подарок могут настораживать, если за ними начинается угадываться ожидание определённой «отдачи». Иногда это ожидание существует только в воображении самой женщины, иногда мужчина действительно считает, что

потраченные деньги дают ему право рассчитывать на продолжение вечера, секс, особое внимание или хотя бы более благосклонное отношение. Здесь появляется сложная тема связи денег и сексуальности, которую невозможно свести к простому тезису о плохих мужчинах или меркантильных женщинах. Нас будет интересовать сама логика обмена: в какой момент добровольный жест начинает восприниматься как вложение и каким образом человек решает, что вложение должно принести результат.

С этой точки зрения современные свидания оказываются частью более масштабной перемены. За последние годы изменилась не только экономическая роль мужчин и женщин, но и сам способ знакомства. Приложения сделали доступ к потенциальным партнёрам технически значительно проще. Насколько это сделало проще поиск подходящих отношений — отдельный вопрос, и здесь особенно важно не подменять данные впечатлениями. Тем не менее сама механика выбора изменилась: человек постоянно видит перед собой множество альтернатив, а переход к следующему варианту требует минимального усилия.

Для экономики это знакомая ситуация. Чем ниже затраты на поиск альтернативы, тем легче отказаться от текущего варианта. Переносить этот принцип напрямую на человеческие отношения было бы слишком механистично, однако сама аналогия заслуживает проверки. Если человеку кажется, что в приложении его ждут сотни потенциальных

партнёров, может ли это влиять на терпение, готовность постепенно узнавать другого, отношение к мелким недостаткам или желание вкладываться в отношения, которые ещё не дали очевидной отдачи? Исследования дейтинг-приложений, перегрузки выбором и восприятия доступности альтернатив здесь понадобятся обязательно, потому что популярные представления об эффекте бесконечного выбора далеко не всегда совпадают с тем, что удаётся доказать эмпирически.

К приложениям добавились социальные сети, которые расширили пространство сравнения. Люди всегда сравнивали себя с окружающими, всегда демонстрировали статус и использовали вещи как способ показать положение в обществе. В этом смысле Instagram и TikTok ничего принципиально нового не изобрели. Они изменили масштаб и частоту этого сравнения. Теперь за несколько минут можно увидеть десятки чужих путешествий, предложений руки и сердца, роскошных букетов, ресторанов и подарков. Мы почти никогда не знаем финансового контекста этих картинок и тем более не видим отношения целиком, однако видим вполне конкретный образ того, как может выглядеть внимание партнёра.

Отсюда возникает новая разновидность ожиданий. Человек сравнивает уже не только свою зарплату, квартиру или отпуск с чужими, но и то, как его любят. Подарок, который раньше оценивался внутри конкретных отношений, теперь

невольно сопоставляется с подарками незнакомых людей. Поездка становится не только совместным впечатлением, но и показателем определённого уровня жизни. Даже обычные формы ухаживания могут попадать в систему внешнего сравнения: сколько цветов считается щедрым букетом, какой ресторан соответствует серьёзности намерений, насколько дорогим должно быть кольцо, что вообще обязан делать мужчина, который «действительно заинтересован».

Всё это не означает, что романтические отношения внезапно стали коммерческими. Такое утверждение было бы исторически наивным. Брак и любовь никогда не существовали полностью вне экономики. Вопросы собственности, наследования, приданого, социального статуса, труда и материальной безопасности веками были частью отношений между людьми. Более того, в некоторые исторические периоды экономический расчёт при выборе супруга был значительно более открытым и жёстким, чем сегодня.

Поэтому предмет этой книги немного другой. Меня интересует ситуация, в которой прежние экономические и гендерные правила перестают быть общепринятыми, а новые остаются предметом постоянных переговоров. Человек может искренне верить в равноправие и одновременно сохранять часть традиционных ожиданий. Может отвергать традиционные роли там, где они ограничивают его свободу, и ценить их там, где они дают ощущение заботы или безопасности. В этом нет ничего удивительного: культурные изме-

нения редко происходят как аккуратная замена одной системы другой.

Особенно хорошо это видно уже внутри длительных отношений, где простой вопрос «кто платит?» быстро становится недостаточным. Партнёры вкладывают друг в друга не только деньги. Один может зарабатывать больше, другой заниматься большей частью бытовых дел. Один временно отказывается от карьерного роста ради детей, другой берёт на себя финансовую ответственность за семью. Кто-то тратит значительно больше времени на организацию общей жизни, поддержку родственников, планирование, заботу о здоровье детей и десятки задач, которые сложно выразить в денежной сумме.

Здесь возникает одна из центральных проблем книги: люди могут оценивать вклад друг друга в разных единицах. Для одного главным доказательством участия остаётся заработанный и принесённый в семью доход. Для другого важнее время, забота, отказ от собственных возможностей, эмоциональная поддержка или ежедневный бытовой труд. Эти формы вклада можно частично оценивать экономически — например, через стоимость аналогичных услуг на рынке, — но подобный расчёт быстро обнаруживает свои ограничения. Час разговора с близким человеком нельзя полностью свести к стоимости часа психотерапии, а воспитание собственного ребёнка — к тарифу няни.

При этом люди всё равно считают. Они вспоминают, кто

чаще уступал, кто оплачивал поездки, кто поддержал другого в тяжёлый период, кто переехал ради партнёра, кто больше занимался детьми, кто отказался от работы, кто инициировал близость, кто проявлял внимание. Часто этот внутренний счёт становится особенно заметен во время конфликта или расставания, когда накопленные поступки неожиданно превращаются в аргументы. Фраза «после всего, что я для тебя сделал» существует именно потому, что полностью отказаться от идеи взаимности в отношениях практически невозможно.

Но взаимность и коммерческий обмен — не одно и то же. Большая часть этой книги, вероятно, будет посвящена попытке понять границу между ними. Людям важно чувствовать, что их вклад замечают и что отношения не построены на одностороннем использовании. С другой стороны, если каждое действие начинается с ожиданием эквивалентной компенсации, сама логика близости меняется. Где проходит эта граница, зависит от культуры, личных убеждений и конкретной пары, поэтому универсальная формула здесь вряд ли возможна.

Я не хочу заранее решать, какая модель отношений правильная. Мне не кажется продуктивным доказывать, что мужчина обязательно должен обеспечивать женщину, как не кажется продуктивным объявлять отдельный счёт единственным честным следствием равноправия. В этой книге будут рассматриваться и традиционные модели, и 50/50, и

отношения с отдельными бюджетами, и содержание, и sugar dating, и ситуации, в которых финансово более сильной стороной оказывается женщина. Некоторые из этих форм могут вызывать симпатию или раздражение, но сама реакция ещё ничего не говорит о том, как они работают для людей, которые их выбирают.

Точно так же я не собираюсь заранее принимать за факт популярные утверждения вроде «современные женщины стали меркантильнее» или «мужчины больше не хотят вкладываться в отношения». Это гипотезы, которые можно обсуждать только после проверки. Где есть статистика и исследования, мы будем опираться на них. Где данных недостаточно, это должно быть прямо сказано. Истории друзей, интервью и личные наблюдения позволяют увидеть проблему и сформулировать вопросы, но они не могут сами по себе доказать, насколько распространено то или иное явление.

Возможно, по ходу работы некоторые исходные предположения придётся пересмотреть. Для меня это скорее достоинство такой книги, чем проблема. Было бы странно начинать исследование отношений с готовыми выводами и использовать людей, историю и статистику только для их подтверждения.

Название «Любовь с чеком?» поэтому относится не столько к деньгам, сколько к привычке оценивать взаимность. Современный человек способен считать стоимость ресторана, объём семейных расходов и разницу в доходах, но па-

раллельно он оценивает время, внимание, сексуальную близость, заботу, эмоциональное участие и собственные упущенные возможности. Эти величины невозможно привести к единой системе, хотя в конфликтах мы часто пытаемся это сделать.

Возможно, главная перемена состоит даже не в том, что люди стали более расчётливыми. Пока у нас нет оснований утверждать это как факт. Гораздо заметнее другое: прежние представления о том, что мужчина и женщина должны давать друг другу, перестали быть достаточно общими, чтобы на них можно было молча положиться. Поэтому сегодня два человека могут совершенно искренне стремиться к хорошим отношениям и при этом обнаружить, что их представления о справедливости, щедрости, заботе и взаимности сильно различаются.

Эта книга — попытка понять, откуда взялись эти различия, что в них действительно ново, а что существует гораздо дольше, чем нам кажется, и почему разговор о любви так часто приводит нас к разговору о цене.

Глава 1

Часть I. Глава 1

Когда мужчина платил не просто так

В марте 1882 года в Палате лордов британского парламента обсуждали законопроект, который сегодня звучал бы почти технически. Речь шла о праве замужней женщины самостоятельно владеть имуществом, заключать договоры, отвечать по обязательствам и обращаться в суд так, как если бы она не состояла в браке. Лорд-канцлер объяснял коллегам, что новая норма должна позволить женщине приобретать, хранить и распоряжаться собственностью без участия мужа или специального доверительного управляющего. Через несколько месяцев закон был принят. До этого уже существовал акт 1870 года, признавший заработанные женщиной деньги её отдельной собственностью, однако реформа 1882 года пошла значительно дальше и закрепила за замужней женщиной контроль над её имуществом в целом.

Для современного читателя здесь особенно интересно не то, насколько прогрессивным был британский парламент XIX века, а сама исходная ситуация. Государству потребовался отдельный закон, чтобы зафиксировать довольно понятную нам сегодня вещь: после свадьбы женщина не должна переставать быть самостоятельным владельцем своих де-

нег и имущества.

Если смотреть на традиционную мужскую роль только через современный ритуал ухаживания, легко представить историю слишком просто. Мужчины якобы всегда зарабатывали, женщины всегда занимались домом, мужчина приносил деньги, поэтому мужчина же платил за женщину. Со временем женщины начали работать, но красивый обычай сохранился. В таком пересказе есть удобная логика, но слишком мало истории.

Начать хотя бы с того, что никакого единого традиционно-го устройства отношений между мужчиной и женщиной не существовало. Оно различалось между странами, сословиями, религиозными системами и эпохами. В той же Российской империи положение с женской собственностью заметно отличалось от английского. Исследования истории русского права показывают, что замужние дворянки получили широкие возможности самостоятельно распоряжаться принадлежащими им имениями ещё в XVIII веке; указ 1753 года обычно рассматривают как важную точку в закреплении отдельной собственности супругов. К XIX веку российская замужняя женщина в имущественном отношении могла обладать самостоятельностью, которой английское право её современнице ещё не предоставляло.

Это, однако, вовсе не означало равноправия внутри российской семьи. Право владеть имуществом соседствовало с очень жёсткими представлениями о власти мужа, месте же-

ны и допустимости самостоятельной жизни супругов. Историк Барбара Энгель показывает, что даже наличие отдельной собственности далеко не всегда превращалось в реальную бытовую независимость: муж мог контролировать место проживания семьи, а культурная норма предполагала подчинённое положение жены. Формальное имущественное право и реальная свобода человека не совпадали.

Уже этого сравнения достаточно, чтобы отказаться от соблазнительной идеи о единой истории, в которой «мужчина всегда обеспечивал женщину». История интереснее именно своими несовпадениями. Где-то имущество переходило от семьи невесты к новому домохозяйству в форме приданого. В других обществах материальные ценности передавались со стороны жениха или его семьи. Даже внутри Европы направление и юридическое значение таких брачных трансфертов менялись. Историки брака поэтому осторожно относятся к попыткам выстроить одну прямую линию развития от «покупки невесты» к приданому, а затем к современному романтическому браку.

Тем не менее за этим разнообразием можно увидеть обстоятельство, которое имеет прямое отношение к современному спору о счёте в ресторане. Брак на протяжении большей части истории был не только эмоциональным союзом двух людей. Он создавал экономическую единицу, определял судьбу собственности, труда, детей и наследства и был тесно связан со способностью нового домохозяйства суще-

ствовать материально. Исследования средневекового европейского брака показывают, насколько существенными были имущественные трансферты при создании семьи: возможность вступить в брак зависела в том числе от наличия ресурсов, необходимых для образования жизнеспособного хозяйства.

Мы привыкли смотреть на отношения из мира, где сначала возникают чувства, затем пара решает жить вместе, а уже после этого начинает обсуждать ипотеку, расходы и имущество. Исторически последовательность могла выглядеть значительно менее романтично. Возможность создать семью сама зависела от земли, состояния, профессии, наследства, поддержки родственников. Даже там, где люди выбирали друг друга по любви, любовь существовала внутри конкретных материальных обстоятельств.

Это не означает, что наши предки были холоднее или расчётливее. Скорее мы недооцениваем, насколько недавней является сама привычка мысленно отделять любовь от экономики.

Мужчина-кормилец тоже имеет историю

Есть ещё один исторический парадокс. Модель, которую сегодня часто называют «традиционной», — работающий мужчина, обеспечивающий неработающую жену и детей, — сама по себе не настолько древняя и универсальная, как может показаться.

В доиндустриальном хозяйстве граница между тем, кто «зарабатывает», а кто «сидит дома», часто была гораздо менее чёткой. Семья могла одновременно быть и домом, и производственной единицей. Женщины занимались сельскохозяйственным трудом, торговлей, ремеслом, домашним производством, прислужой, помогали в семейном деле; дети тоже включались в работу значительно раньше, чем это считается приемлемым сегодня. Проблема исторической статистики в том, что значительная часть такого труда либо не оплачивалась отдельно, либо плохо отражалась в источниках, поэтому современное представление о женской «незанятости» может быть обманчивым.

Исследователи британской экономической истории Сара Хоррелл и Джейн Хамфрис описывали переход XIX века от семейной экономики, где вклад в доход вносили разные члены домохозяйства, к модели, в которой основным кор-

милльцем постепенно становился мужчина. Причины этого перехода остаются предметом дискуссии: значение имели изменение структуры производства, различия в заработках, ограничение определённых видов женского и детского труда, профсоюзные стратегии и распространение идеи «семейной зарплаты», которая должна была позволить мужчине содержать жену и детей. Само становление семьи с мужчиной-кормильцем историки рассматривают как отдельный процесс, а не как естественное продолжение устройства человечества с незапамятных времён.

В середине и второй половине XIX века в Британии эта модель сначала укреплялась среди среднего класса, а затем всё шире распространялась в рабочей среде. Вместе с ней формировалось представление о хорошем муже как о человеке, который способен обеспечивать семью, тогда как управление домашней сферой всё сильнее связывалось с женской ролью. Экономическая функция постепенно становилась частью мужской идентичности. Историки британской маскулинности отмечают, что для обеспеченных слоёв и лучше оплачиваемых рабочих возможность содержать жену становилась не только практической целью, но и показателем респектабельности и выполнения мужского долга.

На мой взгляд, это важный момент для всей нашей темы. Мужчина платил не только потому, что деньги были у него. Он жил в системе, которая сообщала ему, что способность платить — часть того, каким мужчиной он является.

Сегодня две эти вещи легко спутать.

Можно считать традицию мужской оплаты исключительно следствием разницы доходов: мужчина зарабатывал, женщина нет, поэтому он и оплачивал общую жизнь. Но если бы всё объяснялось только арифметикой, норма исчезала бы автоматически по мере выравнивания возможностей. В действительности деньги успели приобрести культурное значение. Способность обеспечить семью стала связана с надёжностью, зрелостью, ответственностью и социальным статусом мужчины. Мужчина мог воспринимать зависимость семьи от своего заработка как тяжёлую обязанность, но одновременно именно она подтверждала его место внутри семьи.

В этой конструкции существовала вполне понятная взаимосвязь. Если общество ограничивает экономические возможности женщины и одновременно предполагает, что большую часть неоплачиваемого домашнего труда будет выполнять она, ожидание материального обеспечения со стороны мужчины трудно назвать произвольным. Это одна система обязанностей. Нельзя вытащить из неё единственный элемент — оплату — и полностью понять его без остальных.

Именно поэтому разговор о прошлом становится сложным, когда его используют как аргумент в современных спорах.

Фраза «раньше нормальные мужчины содержали женщин» обычно оставляет за скобками вопрос о том, какое положение женщины делало это содержание необходимым. В

обратную сторону работает та же ошибка. Можно сказать: если женщина хочет, чтобы мужчина обеспечивал её, пусть откажется от современной самостоятельности. Но реальные человеческие отношения не меняются пакетами, как тариф мобильной связи. Общество способно отказаться от одной нормы, долго сохраняя другую. Люди тем более не обязаны выбирать между двумя исторически чистыми моделями.

Наследие старой системы остаётся именно потому, что оно давно перестало ощущаться только системой.

Часть его стала романтикой.

Как обязанность становится ухаживанием

Представим мужское обеспечение внутри брака отдельно от поведения до брака. Между ними нет автоматической связи. Из того, что муж должен содержать семью, ещё не следует, что мужчина обязан оплачивать ресторан незнакомой женщине. Более того, современное свидание в ресторане само по себе является сравнительно новым социальным явлением.

В XIX веке приличное ухаживание представителей среднего и высшего классов во многих западных обществах происходило в гораздо большей степени под наблюдением семьи. Молодой человек приходил в дом девушки, знакомство развивалось внутри понятных социальных рамок, а пространство для общения мужчины и женщины контролировалось значительно сильнее. С развитием городов, массового досуга и женской занятости в конце XIX — начале XX века появился другой сценарий: мужчина и женщина могли встретиться вне дома, пойти в ресторан, кино, парк развлечений или танцевальный зал.

Американская история особенно хорошо показывает экономику этой перемены. Исследования ранней культуры свиданий в Нью-Йорке описывают молодых работающих жен-

щин, которые получили больше свободы передвижения, однако их заработков часто было недостаточно для регулярного участия в городской индустрии развлечений. Мужчина оплачивал билеты, ужин и другие расходы вечера. В начале XX века получила распространение практика, известная как *treating*: мужчина «угощал» женщину или покупал ей подарки, а граница между обычным ухаживанием, материальным обменом и сексуальными ожиданиями оказывалась довольно размытой. Историк Элизабет Элис Клемент связывает это явление одновременно с расширением женской занятости, городской потребительской культурой и изменением сексуальных норм.

Здесь требуется осторожность. Нью-Йорк начала XX века не объясняет происхождение всех современных правил свиданий, и было бы странно выдавать один городской опыт за универсальную историю человеческого ухаживания. Однако этот пример позволяет увидеть механизм, который гораздо важнее конкретного места.

Свидание выходит из дома в коммерческое пространство, и романтика начинает стоить денег.

Ресторану всё равно, насколько искренни ваши чувства. Кинотеатр продаёт два билета. Такси требует оплаты. Танцевальный зал, кафе и поездка на выходные тоже существуют внутри экономики. Как только ухаживание перемещается в пространство потребления, возникает практический вопрос: кто оплачивает доступ к этому пространству?

В условиях значительного гендерного разрыва в доходах ответ был довольно предсказуемым. Мужчина платил чаще, потому что обычно располагал большими средствами и потому что мужская роль уже связывалась со способностью обеспечивать. Экономическое различие и культурная норма поддерживали друг друга.

Но вместе с оплатой появился вопрос, который спустя более ста лет по-прежнему будет возникать на свиданиях: означает ли материальное вложение право ожидать ответного жеста?

В ранней американской культуре *treating* эта двусмысленность была особенно заметна. Молодая женщина могла принимать еду, развлечения или подарки, сохраняя при этом представление, что она не занимается проституцией; мужчина мог воспринимать свои расходы как часть ухаживания, которое предполагает определённую степень физической или эмоциональной взаимности. Исследования этого периода показывают, что границы между подарком, ухаживанием и обменом обсуждались обществом весьма тревожно.

Получается любопытная вещь: один из конфликтов, который сегодня кажется исключительно продуктом Tinder, дорогих московских ресторанов и Telegram-каналов о «тарелочницах», существовал задолго до смартфона.

Если мужчина оплачивает совместное удовольствие, что именно он покупает?

Единственный честный ответ — формально ничего, кроме самого удовольствия. Билет остаётся билетом, ужин остаётся ужином, подарок остаётся подарком, пока стороны не договорились о другом. Но человеческая психология редко ограничивается юридической конструкцией. Люди способны создавать ожидания там, где договор никогда не проговаривался.

Исторически эта неопределённость частично снималась более жёсткими нормами ухаживания. Если цель общения была связана с потенциальным браком, а мужчина должен был продемонстрировать способность стать будущим кормильцем, его расходы имели довольно понятный социальный смысл. Они показывали ресурс и готовность им делиться.

Современное свидание устроено менее определённо. Два человека могут встретиться, ещё не зная, хотят ли они серьёзных отношений, секса, дружбы, лёгкого романа или просто приятного вечера. Ритуал оплаты при этом достался нам от системы, где намерения и роли были прописаны значительно жёстче.

Мы используем старый жест в новой ситуации, а затем удивляемся, что не можем договориться о его значении.

Щедрость, которую нельзя отделить от зависимости

Мне кажется, именно здесь возникает одна из самых неудобных мыслей этой книги. То, что мы сегодня называем мужской романтической щедростью, исторически нельзя полностью отделить от экономического неравенства мужчины и женщины.

Это не делает щедрость плохой.

И тем более не означает, что современный мужчина, оплачивающий ужин любимой женщины, воспроизводит викторианское право собственности. Люди постоянно сохраняют красивые ритуалы после исчезновения обстоятельств, которые их породили. Мы празднуем события, не задумываясь об их древней функции, носим элементы одежды, когда-то имевшие практическое значение, соблюдаем правила этикета, происхождение которых давно забыли. Культура именно так и существует: формы переживают причины.

Но если мы хотим понять спор о том, должен ли мужчина платить сегодня, происхождение нормы всё-таки важно.

Когда женщина почти не имела самостоятельного дохода, предложение разделить расходы пополам могло быть не равноправием, а абсурдом. Равенство долей при резко неравных ресурсах не делает ситуацию справедливой.

Когда заработок мужа должен был содержать всю семью, умение платить воспринималось как подтверждение его способности выполнить будущую роль.

Когда участие женщины в профессиональной жизни ограничивалось законом, обычаями или структурой рынка труда, финансовая зависимость от мужчины была не личной романтической фантазией, а следствием институциональной реальности.

В этом смысле мужчина «платил не просто так».

Он мог любить. Мог быть щедрым по характеру. Мог получать удовольствие от возможности дарить. Всё это существовало. Но за частным жестом находилась большая экономическая конструкция, в которой ресурсы, права и обязанности были распределены между полами неравномерно.

Поэтому мне не кажется убедительным ни один из двух популярных способов рассказывать эту историю.

Первый романтизирует прошлое и предлагает нам поверить, что мужчины когда-то просто были более благородными. Они открывали двери, покупали цветы, содержали женщин и ничего за это не хотели, пока современность не испортила отношения. История имущественных прав и семейной экономики делает такую картину слишком сентиментальной.

Второй способ столь же упрощён: мужская щедрость будто бы всегда была исключительно инструментом контроля над зависимой женщиной. Такое объяснение плохо оставля-

ет место человеческим чувствам, индивидуальному выбору, заботе и тому факту, что люди способны искренне ценить роль, которую одновременно навязывает им общество. Мужчина мог гордиться способностью содержать семью и действительно хотеть делать это. Женщина могла считать такую модель справедливой и желанной. Социальное происхождение нормы не делает любой личный выбор внутри неё фиктивным.

Гораздо продуктивнее посмотреть на взаимосвязь. Экономическая система создавала условия, в которых мужская способность давать ресурсы имела особую ценность. Культура превращала эту способность в признак мужественности и хорошего партнёра. Романтический язык добавлял к экономической функции эмоциональное значение. Со временем эти слои настолько переплелись, что отделить один от другого стало почти невозможно.

Мужчина оплачивал ужин потому, что мог себе это позволить; потому, что от него этого ждали; потому, что хотел понравиться; потому, что так его воспитали; потому, что ему нравилось чувствовать себя щедрым; потому, что считал это мужской обязанностью. В одном поступке могли одновременно присутствовать все эти мотивы.

Современный конфликт начинается в тот момент, когда экономическая основа меняется быстрее, чем значение жеста.

А если женщина может заплатить сама?

Рост женской занятости в XX веке является одним из самых крупных экономических сдвигов современной истории. В раннеиндустриализированных странах участие женщин в оплачиваемом рынке труда резко увеличилось, причём значительная часть долгосрочного роста была связана именно с выходом на рынок труда замужних женщин. Исторические ряды, собранные на основе данных Международной организации труда, Всемирного банка и исследований экономической истории, показывают сильный рост женского участия на рынке труда в течение XX века, хотя сроки и масштаб существенно различались между странами.

Этой теме будет посвящена следующая глава, поэтому сейчас важно не забегать вперёд. Пока достаточно одного наблюдения: постепенно женщина, сидящая напротив мужчины в ресторане, всё чаще обладает собственной банковской картой не символически, а буквально.

Она получила образование, работу и доход. Иногда её доход сопоставим с мужским. Иногда выше. Она способна оплатить ресторан, снять квартиру, купить билет на самолёт и прожить без материальной поддержки партнёра.

Именно здесь старое правило впервые сталкивается с но-

вым вопросом.

Если экономическая необходимость исчезает, что остаётся от обязанности?

У этого вопроса нет автоматического ответа.

Можно предположить, что норма должна исчезнуть вместе с причиной: два экономически самостоятельных человека оплачивают свои расходы сами или делят их так, как считают удобным.

Можно рассуждать иначе: исчезновение необходимости впервые делает мужскую оплату по-настоящему добровольной. Когда женщина не нуждается в мужчине, чтобы поужинать в хорошем ресторане, его предложение заплатить можно воспринимать как чистый жест внимания. В старой модели он обеспечивал, потому что во многом должен был; в новой он может быть щедрым именно потому, что никто без него не пропадёт.

Есть и третья возможность: старый ритуал просто сохраняется по культурной инерции, а люди уже после придумывают ему современное объяснение. Мы часто считаем естественными нормы, происхождение которых не знаем, и обосновываем их тем языком, который доступен нам сейчас.

Возможно, когда женщина говорит: «Мне важно, чтобы мужчина платил», она не имеет в виду экономическую зависимость вообще. Она говорит о привлекательном для неё сценарии отношений.

Но тогда меняется и статус этого требования.

Историческая необходимость становится предпочтением.

А предпочтение другого человека уже не обязано совпадать с твоим.

Именно поэтому сегодняшние споры так быстро становятся эмоциональными. Пока правило разделяется большинством, его почти не приходится объяснять. Хороший мужчина платит, приличная женщина ведёт себя определённым образом, муж содержит семью, жена отвечает за дом — каждый знает сценарий. Справедливость этой системы можно обсуждать отдельно, но она хотя бы понятна участникам.

Когда общий сценарий распадается, люди вынуждены впервые объяснять то, что раньше считали само собой разумеющимся.

«Почему ты считаешь, что должен платить я?»

«Почему ты не хочешь за меня заплатить?»

За внешней простотой этих вопросов скрываются две разные исторические позиции. Одна исходит из того, что изменение экономического статуса женщины должно изменить и финансовую роль мужчины. Другая считает, что материальная самостоятельность женщины не отменяет привлекательности мужчины, который добровольно берёт на себя больше.

Ни одна из этих позиций сама по себе не доказывает морального превосходства её сторонника.

Но между ними проходит важнейшая граница современной культуры отношений.

Цена традиции

Иногда в разговорах о мужской и женской роли можно услышать желание оставить от традиционного устройства только наиболее приятные элементы. На практике этим занимаются обе стороны.

Мужчина может ожидать традиционной заботы дома, одновременно считая финансовое равенство единственной справедливой моделью.

Женщина может требовать полного равенства в профессиональной и общественной жизни, но считать традиционную мужскую финансовую роль обязательным условием отношений.

Легко обвинить каждого в непоследовательности. Однако, вероятно, это нормальная стадия культурной перестройки. Люди редко меняют систему убеждений целиком. Новые идеи входят в жизнь рядом со старыми привычками, семейным воспитанием, сексуальными предпочтениями и представлениями о привлекательности.

Проблема возникает, когда личное предпочтение начинает выдаваться за универсальную обязанность.

«Мне нравятся мужчины, которые платят» — одна фраза.

«Настоящий мужчина обязан платить» — уже другая.

В первом случае человек описывает собственный критерий выбора партнёра. Во втором он предлагает социальную

норму и неизбежно сталкивается с вопросом, на каком основании она должна действовать для всех.

История способна помочь именно здесь. Она не отвечает нам, как правильно вести себя на свидании, зато показывает происхождение тех правил, которые мы ошибочно принимаем за природные.

Мужская роль кормильца не возникла из одного источника. Она складывалась из устройства собственности, разделения труда, различий в заработках, семейного права, представлений о респектабельности и мужской идентичности. В некоторых обществах и классах она была выражена сильнее, в других слабее. В России развитие имущественных прав женщин шло иначе, чем в Британии; в разных регионах Европы существовали разные формы приданого и брачной собственности; рабочая семья могла быть экономически устроена совсем не так, как семья буржуазная. Поэтому искать момент, когда «мужчины начали платить за женщин», было бы бессмысленно.

Гораздо важнее понять другое: там, где мужчина становился главным обладателем денежного дохода и где от этого дохода зависела семья, способность обеспечивать постепенно приобретала моральное и романтическое значение.

Это наследство мы получили вместе с современным представлением об ухаживании.

Мы сохранили цветы, подарки, приглашение в ресторан и образ мужчины, которому приятно платить. При этом посте-

ленно исчезают или ослабевают многие условия, делавшие его оплату необходимой. Отсюда и возникает напряжение, которое будет проходить через всю книгу.

Можно ли сохранить символ, отказавшись от системы, которая когда-то придавала ему смысл?

Возможно. Культура постоянно это делает.

Но тогда символ приходится переопределять.

Если мужчина больше не обязан содержать женщину потому, что без него она не способна обеспечить себя, его финансовый вклад может означать заботу, выбор, щедрость, демонстрацию статуса, сексуальную стратегию, привычку или попытку соответствовать ожиданиям. Иногда несколько этих мотивов существуют одновременно. Современная женщина тоже может принимать этот вклад совершенно по-разному: как приятный подарок, показатель серьёзности, обязательное условие мужской роли, форму власти или просто удобное распределение денег внутри пары.

Старое правило было проще именно потому, что оставляло меньше пространства для интерпретации.

Новое пространство значительно свободнее. Вместе со свободой в нём гораздо больше неопределённости.

И прежде чем спрашивать, почему современный мужчина всё чаще задаёт вопрос «почему я должен?», нужно посмотреть на человека, который сидит напротив него.

Потому что впервые за долгую историю массовых отношений эта женщина всё чаще действительно может ответить:

«Ты не должен. Я могу сама».

И после этого разговор о деньгах не заканчивается.

Он только начинается.

Глава 2. Женщина, которой мужчина больше не нужен для выживания

Есть разговор, который в разных версиях повторяется настолько часто, что его уже трудно считать случайностью. Женщина рассказывает о мужчине, с которым начала встречаться, и в какой-то момент разговор неизбежно доходит до денег. Он хороший, интересный, ей с ним легко, но что-то её беспокоит. Иногда это отсутствие подарков, иногда привычка делить расходы, иногда его отношение к карьере, иногда просто ощущение, что рядом с этим человеком ей придётся всё время рассчитывать только на себя.

На замечание о том, что она и так прекрасно обеспечивает себя сама, обычно следует ответ примерно одного содержания: «Конечно. Я и не ищу человека, который будет меня содержать. Но мне важно понимать, что он может взять на себя ответственность».

Внутри одной фразы спокойно уживаются две идеи, которые ещё несколько поколений назад могли показаться трудно совместимыми. Женщина подчёркивает экономическую самостоятельность и одновременно считает способность мужчины обеспечивать важным качеством партнёра. Она не собирается просить у него деньги на аренду квартиры, сама по-

купает себе одежду, оплачивает путешествия, строит карьеру и в случае расставания не останется без средств к существованию. Однако мужчина, который принципиально не хочет тратить на неё деньги, может казаться ей менее привлекательным.

Если отнестись к этому буквально, легко обнаружить противоречие. Если деньги мужчины не нужны, почему имеет значение его готовность их давать? Именно отсюда возникает немалая часть современных споров о «двойных стандартах». Женщина хочет равноправия, но мужчина всё равно должен платить. Женщина зарабатывает сама, но оценивает мужчину по его доходу. Женщина говорит, что ей никто не нужен для содержания, но не хочет жить с человеком, который предлагает делить каждый расход пополам.

Можно довольно быстро объявить такую позицию непоследовательной и на этом закончить разговор. Но тогда мы пропустим гораздо более интересную переменную. Экономическая самостоятельность не обязательно уничтожает старые представления о привлекательном партнёре. Она меняет их смысл.

Когда деньги нужны для существования, обеспечивающий мужчина выполняет практическую функцию. Когда женщина может существовать без его денег, та же способность мужчины может восприниматься уже как характеристика его личности, образа жизни, отношения к семье или представления о распределении ролей. Материальная необ-

ходимость постепенно превращается в критерий выбора.

Разница кажется небольшой, но именно она многое меняет.

«Я могу сама» — новая историческая возможность

Название этой главы намеренно звучит немного категорично. Оно не означает, что женщины по всему миру сегодня действительно экономически независимы от мужчин. Это было бы просто неправдой.

По оценкам Международной организации труда, в 2025 году в рабочей силе участвовали около 55 процентов женщин трудоспособного возраста 15–64 лет против примерно 79 процентов мужчин. Если брать население 15 лет и старше, разница также остаётся значительной: около 49 процентов женщин против 73 процентов мужчин.

Различается не только участие в работе, но и доход. По данным ILOSTAT, в 2025 году совокупный трудовой доход женщин в мире составлял около 52 процентов совокупного трудового дохода мужчин; среди работников по найму средний годовой заработок женщин оценивался примерно в 78 центов на каждый доллар мужского заработка. Эти цифры нельзя читать как простое утверждение о том, что женщины «платят на 22 процента меньше за ту же работу»: показатель включает различия в количестве оплачиваемых часов, профессиях, секторах экономики, карьерных траекториях и других факторах. Именно поэтому корректнее говорить о

разрыве в трудовых доходах, а не автоматически объяснять его одной причиной.

Даже юридическое равенство остаётся незавершённым процессом. В последнем на момент написания этой книги исследовании *World Bank Women, Business and the Law 2026*, охватывающем 190 экономик и учитывающем законодательство, государственную инфраструктуру его реализации и практику применения, Всемирный банк приходит к довольно отрезвляющему выводу: ни одна из исследованных экономик не обеспечивает полного равенства экономических возможностей мужчин и женщин по всей совокупности оцениваемых показателей. Лишь около четырёх процентов женщин в мире живут в странах, которые близки к полной юридической экономической равноправности по методологии исследования.

Поэтому фраза «женщине больше не нужен мужчина для выживания» описывает прежде всего исторически новую возможность, которая стала реальностью для значительной части женщин, особенно в экономически развитых странах и крупных городах, но далеко не универсальное состояние всех женщин.

И всё же масштаб перемены трудно недооценить.

Достаточно сравнить не столько сегодняшнюю женщину с сегодняшним мужчиной, сколько сегодняшнюю женщину с женщиной нескольких поколений назад. Возможность получить образование, построить профессию, иметь собствен-

ный банковский счёт, самостоятельно распоряжаться доходом, снимать или покупать жильё, создавать накопления и принимать решения без экономической санкции мужа или семьи радикально расширяет пространство личного выбора.

Финансовая инфраструктура тоже становится доступнее. Согласно Global Findex 2025 Всемирного банка, в 2024 году банковский или иной финансовый счёт имели 79 процентов взрослых в мире. В странах с низким и средним уровнем дохода счёт имели уже 73 процента женщин, причём за три года этот показатель вырос на семь процентных пунктов. Разрыв между мужчинами и женщинами сохраняется, но сама возможность самостоятельно хранить деньги, получать зарплату, оплачивать покупки и накапливать средства становится всё более массовой.

Меняется и образование. В странах OECD молодые женщины уже заметно опережают молодых мужчин по доле высшего образования: в 2024 году диплом третичного уровня имели около 55 процентов женщин в возрасте от 25 до 34 лет против 42 процентов мужчин. Среди поступающих в высшие учебные заведения женщины также составляют большинство.

Все эти процессы происходят с разной скоростью и не складываются в простую историю непрерывного прогресса. Женщина может иметь университетский диплом и зависеть от мужа после рождения ребёнка. Может работать, но не иметь накоплений. Может зарабатывать собственные день-

ги, но жить в стране, где законодательство или его применение ограничивает её экономические возможности. Может обладать формальной самостоятельностью и одновременно выполнять почти всю неоплачиваемую работу внутри семьи.

Тем не менее появляется принципиально новый сценарий: женщина получает возможность отказаться от отношений, не оказавшись автоматически перед угрозой экономической катастрофы.

Для истории отношений это огромная перемена.

Когда мужчина перестаёт быть условием взрослой жизни

Экономическая самостоятельность меняет не только семейный бюджет. Она изменяет значение самого партнёрства.

Если человеку для нормального существования необходим экономический союз, выбор партнёра неизбежно содержит элемент необходимости. Можно любить мужа, уважать его и прожить с ним счастливую жизнь, однако зависимость от брака как от экономического института всё равно влияет на пространство выбора. Возможность уйти существует иначе для человека, который способен самостоятельно оплачивать жильё и еду, и для человека, который после ухода теряет основной источник существования.

В экономике переговоров существует простая идея: положение участника зависит не только от того, что он получает внутри сделки, но и от того, какая альтернатива ожидает его в случае отказа. Чем лучше твоя возможность сказать «нет» и продолжить жизнь самостоятельно, тем меньше ты обязан принимать условия, которые считаешь невыгодными или неприятными.

Применять экономические модели к близким отношениям нужно осторожно, однако в этом месте аналогия довольно ясна. Собственный доход увеличивает возможность выхода.

Это не означает, что обеспеченные женщины легко уходят из плохих отношений, а неработающие женщины всегда остаются. Решение о расставании зависит от детей, чувств, возраста, страха одиночества, жилья, социального окружения, религии, насилия и множества других обстоятельств. Но наличие собственных ресурсов добавляет человеку вариант, которого раньше могло не быть вообще.

И вместе с этим меняется мотив оставаться.

Если женщина способна сама оплачивать свою жизнь, мужчина перестаёт быть для неё единственным способом получить материальную устойчивость. Его присутствие должно оправдываться чем-то ещё: близостью, сексом, общими интересами, семьёй, эмоциональной безопасностью, удовольствием от совместной жизни, детьми, поддержкой, статусом, привычкой — список может быть бесконечным и у каждого будет свой.

Можно даже сказать, что экономическая независимость делает требования к отношениям выше, хотя это утверждение нуждается в осторожности. Не потому, что женщины становятся более капризными или требовательными, а потому, что исчезает часть причин соглашаться на отношения, которые не дают достаточно других преимуществ.

Человек, способный жить один, сравнивает партнёрство уже не только с перспективой другого партнёра. Он сравнивает его с собственной жизнью без партнёра.

Это важная перемена для обеих сторон.

Мужчина конкурирует не только с другими мужчинами. В некотором смысле он конкурирует с жизнью женщины, которую она уже умеет обеспечивать себе сама.

То же самое, разумеется, справедливо и в обратную сторону: экономически независимый мужчина тоже может выбирать отношения, исходя из того, делают ли они его жизнь лучше. Однако для мужчин сама возможность самостоятельного взрослого существования исторически считалась значительно более естественной. Для женщин массовое распространение такой возможности означает более резкое изменение социальной роли.

И здесь появляется парадокс, который будет сопровождать нас ещё несколько глав. Чем меньше женщине нужен мужчина как источник денег, тем больше значение может приобретать вопрос о том, **хочет ли он этими деньгами делиться.**

Если деньги не нужны, зачем смотреть на деньги?

Представим двух мужчин с одинаковым доходом. Оба нравятся женщине, оба могут позволить себе ресторан, отпуск и подарки. Первый говорит, что ему приятно приглашать и платить, хотя от женщины этого никто не требует. Второй принципиально считает, что взрослые самостоятельные люди должны делить расходы поровну.

Если женщина финансово независима, оба варианта для неё экономически возможны. Она не останется голодной при выборе второго и не станет богаче в каком-то серьёзном смысле при выборе первого.

Тем не менее эти мужчины могут восприниматься ею совершенно по-разному.

Почему?

Одного универсального ответа нет, и именно поэтому опасно объяснять женское ожидание мужской щедрости одной только «меркантильностью».

Для одной женщины оплата означает интерес. Для другой — воспитание. Третья видит в ней способность делиться ресурсом. Четвёртая воспринимает финансово щедрого мужчину как потенциально более надёжного партнёра для будущей семьи. Пятая выросла в доме, где отец всегда обес-

печивал мать, и просто считает такую модель привлекательной. Шестой нравится сам ритуал традиционного ухаживания, хотя после свадьбы она собирается работать и вносить половину семейного бюджета.

Все эти объяснения являются возможными интерпретациями, а не статистическим описанием женщин вообще. Насколько распространён каждый мотив и как он различается между культурами, возрастами и социальными группами, требует отдельного исследования.

Но уже здесь можно сделать одно важное различие.

Нуждаться в ресурсе и ценить готовность человека поделиться ресурсом — разные вещи.

Мужчина может совершенно самостоятельно приготовить себе ужин и при этом ценить женщину, которая иногда готовит для него. Он способен вызвать клининг, но может воспринимать заботу о доме как проявление участия. Женщина может сама купить себе цветы, но это не делает букет от любимого человека бессмысленным.

Проблема начинается тогда, когда из личного значения жеста выводится универсальная обязанность другого пола.

Мне могут нравиться люди, которые щедро дарят подарки. Это критерий моего выбора.

Но из этого ещё не следует, что человек, который подарков не дарит, объективно плохой мужчина.

Точно так же мужчина может предпочитать женщину, которой нравится готовить и которая хочет заниматься домом.

Это не превращает домашний труд в обязанность каждой женщины.

Разница между предпочтением и нормой кажется очевидной на бумаге. В реальной жизни они постоянно смешиваются, потому что люди редко формулируют свои романтические ожидания как нейтральные характеристики совместимости. Мы гораздо чаще говорим: «Так нормально» или «Так ненормально».

Именно поэтому два совершенно самостоятельных человека могут поссориться из-за денег, которые никому из них в действительности не нужны.

Спор идёт о модели отношений.

Деньги как информация

Есть ещё одна причина, по которой финансово самостоятельная женщина может продолжать обращать внимание на отношение мужчины к деньгам. Деньги являются не только ресурсом. Они дают информацию.

Это особенно заметно на ранних стадиях отношений, когда люди почти ничего не знают друг о друге и вынуждены делать выводы по небольшому количеству поступков.

Человек опоздал и не предупредил — возможно, он не ценит чужое время. Грубо разговаривает с официантом — возможно, так же будет вести себя с близкими. Никогда ни за что не предлагает заплатить — возможно, он придерживается очень жёсткого представления о раздельных ресурсах. Покупает дорогие вещи, но живёт в долгах — возможно, его отношение к финансам станет проблемой в будущем.

Все эти выводы могут оказаться ошибочными. Один поступок редко позволяет надёжно восстановить характер человека. Однако именно так работает знакомство: мы наблюдаем небольшое количество поведения и пытаемся понять, что за ним стоит.

Поэтому вопрос «заплатил ли он?» часто маскирует другой: «Что его отношение к деньгам говорит о том, как он строит отношения?»

Одни женщины могут искать подтверждение щедрости.

Другие, напротив, насторожатся, если мужчина с первой встречи начинает тратить слишком много. Для кого-то это приятный жест, для кого-то демонстрация статуса, для кого-то попытка создать обязательство. Значение возникает не внутри суммы как таковой, а внутри культурного и личного контекста.

При этом и мужчина считывает информацию.

Если женщина никогда не предлагает участвовать в расходах, он может решить, что она ожидает полного содержания. Если она выбирает только дорогие места, он может интерпретировать это как требование определённого уровня жизни. Если она спокойно платит за себя, один мужчина увидит самостоятельность, а другой — отсутствие потребности в его традиционной роли.

Деньги оказываются удобным тестом именно потому, что позволяют людям быстро делать выводы о вещах, о которых неловко спрашивать напрямую.

На первом свидании редко звучит:

«Каким ты видишь распределение ресурсов через семь лет, если у нас будет двое детей и один из нас временно перестанет работать?»

Гораздо проще посмотреть, что произошло со счётом.

Проблема лишь в том, что результат такого теста каждый расшифровывает по собственной системе.

Независимость до первого ребёнка

До сих пор мы рассуждали так, словно экономическая самостоятельность является стабильным состоянием. Человек получил профессию, работу и собственный доход — значит, вопрос решён.

В реальности жизненный цикл способен очень быстро изменить баланс.

Особенно сильно это видно после появления детей.

По оценке Международной организации труда, в 2023 году около 708 миллионов женщин в мире находились вне рабочей силы именно из-за обязанностей по неоплачиваемому уходу. Среди мужчин по той же причине вне рынка труда находилось значительно меньше людей.

UN Women оценивает, что женщины и девочки в мире тратят на неоплачиваемый домашний труд и заботу более чем в два с половиной раза больше времени, чем мужчины. Другие расчёты организации дают разницу примерно в 2,8 часа в день. В разных странах масштабы сильно отличаются, однако направление разрыва остаётся устойчивым.

Эти цифры чрезвычайно важны для разговора о мужской финансовой роли, потому что они усложняют красивую формулу «женщина теперь может обеспечивать себя сама».

Может — пока обстоятельства позволяют ей продавать свой труд на рынке.

Беременность, роды и уход за маленьким ребёнком способны изменить эту ситуацию. Где-то существуют длительные оплачиваемые отпуска и доступные детские сады, где-то почти вся нагрузка ложится на семью. Даже при хорошей социальной инфраструктуре один из родителей нередко сокращает рабочее время, отказывается от части карьерных возможностей или временно выпадает из профессии. Статистически этим родителем значительно чаще оказывается женщина.

Получается, что финансово самостоятельная женщина может оценивать способность мужчины обеспечивать не потому, что ей нужны его деньги сегодня, а потому, что она думает о возможном распределении рисков завтра.

Это лишь одна из возможных мотиваций, и нельзя автоматически приписывать её любой женщине, которая хочет хорошо зарабатывающего партнёра. Но в контексте семейного планирования она вполне рациональна.

Если один партнёр потенциально принимает на себя большую часть биологических и социальных издержек появления детей, доход второго приобретает значение не только как показатель статуса.

Он становится частью страхования будущей семьи.

В этом месте особенно видно, почему простая модель 50/50 может означать совершенно разные вещи.

Пополам делить счёт за два ужина довольно легко.

Сложнее поделить пополам беременность.

Ещё сложнее заранее установить стоимость двух лет замедленной карьеры, потерянного повышения, работы неполный день или необходимости быть тем человеком, которому первым звонят из детского сада.

Это не аргумент в пользу того, что мужчина обязательно обязан обеспечивать семью. Он лишь показывает, что равенство финансовых платежей не гарантирует равенства всех издержек.

И это обстоятельство сильно влияет на разговор о том, что современная женщина якобы «сама всё может».

Да, может.

Но возможность заработать деньги не означает, что мужчина и женщина автоматически сталкиваются с одинаковыми экономическими последствиями семейной жизни.

Когда женщина зарабатывает столько же

Впрочем, семейная экономика действительно становится значительно более симметричной.

Хорошо это видно на американских данных, где существуют длинные статистические ряды. Анализ Pew Research Center на основе Current Population Survey Бюро переписи США показывает, что в 1972 году почти половина разнополых браков представляла собой семьи, где муж был единственным кормильцем. К 2022 году доля таких браков сократилась до 23 процентов. В 29 процентах браков супруги получали сопоставимые доходы, а в 16 процентах жена являлась основным или единственным кормильцем.

Американские цифры нельзя механически переносить на Европу, Россию, Азию или Латинскую Америку. Но они хорошо показывают направление изменения: пара, где женщина приносит в семью серьёзную часть дохода, больше не является необычной социальной конструкцией.

И здесь выясняется, что изменение денег само по себе не обязательно быстро меняет домашние роли.

В том же исследовании американских семей женщины в браках, где супруги зарабатывали примерно одинаково, в среднем тратили больше времени на уход за детьми и домаш-

ную работу, тогда как мужчины — больше на досуг. Даже в семьях, где жена являлась главным кормильцем, распределение неоплачиваемой работы не становилось автоматически зеркальным.

Британское исследование пар за 1992–2018 годы также обнаружило, что более высокое образование женщины связано с более эгалитарными установками и меньшим разрывом в объёме домашней работы, однако сокращение разницы происходило во многом потому, что образованные женщины сами выполняли меньше домашних часов, а не потому, что их партнёры резко брали на себя больше.

Подобные результаты помогают увидеть одну из причин напряжения современной семейной модели. Экономическая роль женщины способна измениться быстрее, чем распределение остальных обязанностей.

Если раньше мужчина зарабатывал основную часть денег, а женщина выполняла большую часть неоплачиваемой работы, внутреннюю справедливость такой конструкции можно было обосновывать разделением функций, даже если сами функции были неравны по власти и возможностям.

Если теперь оба работают полный день, но значительная часть прежней женской нагрузки сохраняется, возникает вопрос о том, что именно означает равенство.

Он пригодится нам позже, когда мы будем говорить о «бухгалтерии отношений». Пока достаточно заметить, что финансовая самостоятельность женщины не обязательно

освобождает её от старых обязанностей. Иногда она просто добавляет новые.

И тогда требование мужского материального вклада может восприниматься ею не как попытка получить бесплатный ресурс, а как способ восстановить баланс в системе, которую она сама считает неравной.

Разумеется, мужчина может совершенно иначе оценивать тот же баланс. Он может считать, что работает больше часов, берёт на себя дорогие расходы, решает технические вопросы, несёт финансовые риски или выполняет другую работу, которую партнёрша недооценивает.

Именно поэтому бытовые споры редко решаются простым подсчётом времени.

Каждая сторона замечает прежде всего собственную нагрузку.

Женщины стали образованнее. А кого они хотят рядом?

Рост женского образования создаёт ещё одну переменную, о которой обычно говорят значительно реже.

В странах ОЭСР среди молодых взрослых женщины сегодня заметно чаще мужчин имеют высшее образование. В 2024 году разница среди 25–34-летних составляла около 13 процентных пунктов в пользу женщин.

С точки зрения общества это история успеха образовательной доступности. С точки зрения формирования пар она постепенно изменяет сам состав «рынка партнёров».

Исторически во многих обществах союзы, в которых мужчина был образованнее женщины, встречались чаще обратных. Демографы называют это образовательной гипергамией. Исследование 27 европейских стран показало, что по мере того, как женщины стали чаще мужчин получать высшее образование, традиционная образовательная гипергамия заметно сокращалась, а пары, где женщина образованнее мужчины, становились обычнее.

Это хороший пример того, как изменение структуры общества заставляет меняться даже очень устойчивые брачные модели.

Если большинство выпускников университетов — жен-

щины, невозможно одновременно сохранить старое ожидание, что каждая образованная женщина обязательно найдёт мужчину с более высоким образованием. Таких мужчин просто математически может не хватить.

С доходами ситуация сложнее: образование не тождественно заработку, мужчины по-прежнему чаще занимают высокооплачиваемые должности и в среднем получают больше. Однако сам процесс важен. Женщина всё чаще оказывается в ситуации, когда по одному из значимых показателей статуса она равна потенциальному партнёру или превосходит его.

Что происходит после этого с предпочтениями?

Здесь легко перейти от данных к стереотипу, поэтому стоит быть осторожными. Популярное утверждение о том, что «женщины всегда хотят мужчину выше себя по статусу», слишком грубо, чтобы использовать его в качестве объяснения. Исследования выбора партнёров показывают более сложную картину: люди часто формируют пары с людьми сходного образовательного и социального уровня, а характер этой сортировки меняется вместе со структурой доступных партнёров.

Поэтому интереснее поставить вопрос иначе.

Если женщина сама получила высокий социальный статус, перестаёт ли статус мужчины иметь для неё значение — или просто поднимается планка того, что она считает подходящим партнёром?

Однозначного ответа для всех женщин нет.

Кто-то совершенно спокойно строит отношения с мужчиной, который зарабатывает меньше. Для кого-то это становится проблемой. Одной важен абсолютный доход партнёра, другой — амбиции и отношение к работе, третьей вообще безразлично, кто получает больше, пока семейная жизнь устраивает обоих.

Но сама возможность того, что женщина объективно «не нуждается» в более успешном мужчине и всё равно его предпочитает, возвращает нас к различию между необходимостью и желанием.

Свобода не обязана делать наши предпочтения симметричными.

Что происходит с романтической щедростью

Теперь можно вернуться к ресторану.

Если женщина не может позволить себе ужин, оплачивающий его мужчина предоставляет ей доступ к ресурсу.

Если она может позволить себе тот же ресторан без всяких проблем, его оплата уже не меняет её материальное положение сколько-нибудь существенно.

Но именно поэтому психологическое значение жеста способно стать больше экономического.

Двести евро, потраченные на ужин женщиной с хорошим доходом, не делают её богаче. Она могла заплатить сама. Вопрос заключается в том, что мужчина хотел сделать и как она это интерпретировала.

В старой системе ресурс подтверждал способность обеспечить.

В современной ситуации он может подтверждать желание вкладываться.

Слово «вкладываться» здесь пока использую с осторожностью — позже оно станет одним из центральных слов книги и создаст немало проблем. Но для многих людей именно так устроено восприятие: если человек заинтересован, он расходует на отношения что-то ценное для себя. Это могут

быть деньги, время, внимание или усилия.

Отсюда возникает неочевидный эффект. Женская самостоятельность способна не уничтожить ожидание мужской щедрости, а изменить критерий её оценки.

Если женщина зависела от денег мужчины, трудно было понять, что в его материальном участии является добровольным.

Если она способна отказаться от денег, появляется возможность воспринимать их как выбор.

Именно эта логика помогает понять фразу: «Я могу сама, но хочу, чтобы он хотел это сделать».

Она по-прежнему не является обязательной истиной и совершенно не обязана быть близкой любой женщине. Мужчина имеет полное право сказать, что подобная модель ему не подходит. Но сама фраза перестаёт быть абсурдной, если различать финансовую потребность и символическое значение финансового поведения.

Однако здесь появляется новая сложность.

Если деньги теперь всего лишь символ, почему стоимость символа иногда имеет такое значение?

Почему один букет недостаточно большой?

Почему обычный ресторан воспринимается хуже дорогого?

Почему наличие автомобиля, квартиры или определённого дохода продолжает играть роль, если речь якобы идёт только о внимании?

На эти вопросы нельзя ответить одной щедростью.

Здесь рядом уже находятся статус, социальное сравнение, представления об успешности, будущая безопасность и потребительская культура. Позже мы отдельно разберём, как социальные сети влияют на видимый стандарт отношений и почему чужие подарки способны менять оценку собственных. Пока важно не делать вид, будто материальная сторона полностью исчезает, как только женщина получает собственный доход.

Иногда дорогой подарок интересует человека именно потому, что он дорогой.

И было бы странно маскировать это исключительно разговорами о внимании.

Люди выбирают партнёров в том числе по образу жизни, который те способны предложить. Это касается и мужчин, и женщин, хотя критерии могут различаться. Признать существование материальных предпочтений не означает объявить любовь продажной. Мы постоянно учитываем социальные и экономические характеристики других людей, когда принимаем решения о долгосрочном союзе. Доход влияет на жильё, детей, путешествия, образование, безопасность и количество бытовых возможностей. Делать вид, что разумный взрослый человек никогда об этом не думает, было бы гораздо менее честно.

Вопрос, скорее, в том, какую роль деньги занимают среди остальных критериев и насколько открыто люди готовы это

признавать.

Независимость как свобода требовать

Есть один аспект женской финансовой самостоятельности, который редко обсуждается спокойно. Собственные деньги позволяют человеку не только меньше требовать от партнёра.

Они позволяют требовать больше.

Это звучит парадоксально только на первый взгляд.

Человек, которому отношения жизненно необходимы для материального выживания, может быть вынужден снижать требования. Человек, который способен жить один, получает возможность отказаться.

«Если мне с тобой хуже, чем одной, зачем мне эти отношения?» — вопрос, который становится значительно практичнее, когда слово «одной» не означает экономическую беспомощность.

Требование не обязательно касается денег. Это может быть качество общения, сексуальная совместимость, участие в воспитании детей, верность, уважение или готовность заниматься бытом. Но материальные ожидания тоже входят в этот список.

Поэтому экономическая эмансипация необязательно приводит к тому, что женщине становится всё равно, сколько

зарабатывает мужчина.

В некоторых случаях происходит обратное: поскольку отношения больше не обязательны, женщина может позволить себе ждать партнёра, который соответствует желаемой модели, в том числе материально.

Это важное отличие от зависимости.

Зависимость говорит: «Мне нужен тот, кто меня обеспечит, иначе я не справлюсь».

Выбор может звучать иначе: «Я справлюсь сама, поэтому могу не строить отношения с человеком, чья модель денег мне не подходит».

Для мужчины практическая разница, возможно, невелика. Если он не соответствует критериям, свидание всё равно не продолжится. Но для понимания процесса она принципиальна.

В первом случае его ресурс необходим.

Во втором оценивается его совместимость.

И вот здесь старая мужская роль начинает сталкиваться с совершенно новой ситуацией. Раньше способность обеспечивать давала мужчине довольно понятное место в системе. Теперь женщина может прекрасно обеспечить себя, но всё равно ожидать от него той же способности — уже как доказательства качества, привлекательности или подходящего ей формата отношений.

С мужской точки зрения это легко воспринимается как изменение договора в одностороннем порядке.

Если женщина получила собственный доход, почему его обязанность осталась?

Если она больше не выполняет традиционную женскую роль, почему он должен выполнять традиционную мужскую?

Если у неё есть возможность платить, почему его отказ платить трактуется как недостаток?

В этих вопросах есть внутренняя логика, и в следующей главе мы рассмотрим её значительно подробнее.

Но прежде стоит признать: женская сторона тоже видит ситуацию иначе.

Для неё возможность платить самой не означает автоматического желания строить отношения, в которых никто ни за кого ничего не делает. Она может считать, что равноправие должно освободить обоих от принуждения, но не отменить различия, которые они добровольно выбирают.

Именно слово «добровольно» постепенно становится ключевым.

Свобода не создаёт общего правила

Предыдущая глава закончилась на вопросе о том, что остаётся от мужской обязанности обеспечивать, когда женщина способна обеспечивать себя самостоятельно.

После этой главы ответ становится одновременно яснее и сложнее.

Исчезновение зависимости действительно подрывает одно из старых оснований мужской обязанности. Если женщина имеет собственный доход и полный контроль над ним, аргумент «мужчина должен платить, потому что женщина иначе не может» во многих современных отношениях просто перестаёт работать.

Но вместе с ним не исчезают культурные представления о мужской привлекательности, будущие риски материнства, различия в доходах, неравное распределение неоплачиваемого труда, семейные привычки и личные предпочтения.

Поэтому на месте старой обязанности не возникает автоматически 50/50.

Возникает пространство выбора.

И это пространство оказывается значительно конфликтнее, чем прежнее правило, потому что в нём больше нельзя сказать: «Так устроено».

Нужно объяснять, почему тебе нравится именно так.

Одна женщина хочет полностью отдельный бюджет.

Другая готова вносить половину расходов, но считает важным, чтобы мужчина платил на свиданиях.

Третья предпочитает модель, где мужчина является основным кормильцем, хотя сама продолжает работать.

Четвёртая зарабатывает больше мужа и не видит в этом проблемы.

Все четыре модели могут существовать в одном городе, в одном поколении и даже в одном кругу друзей.

Самостоятельность дала женщинам больше способов строить отношения, но не создала единой новой нормы.

Мужчины оказались в той же неопределённости. От одного ждут традиционной щедрости, другой встречает женщину, которая раздражается, когда за неё пытаются платить. Одной нужен партнёр-кормилец, другой — равный участник бюджета. И мужчина уже не может быть уверен, что правило, которому его учили в семье, совпадает с правилами человека напротив.

Поэтому настоящий конфликт современной финансовой романтики начинается не тогда, когда женщины получили собственные деньги.

Он начинается чуть позже — когда мужчина понимает, что женщина способна заплатить сама, и впервые всерьёз спрашивает:

почему тогда платить должен я?

Это уже вопрос следующей главы.

Глава 3. Почему я должен?

Один мой знакомый однажды сформулировал проблему настолько просто, что сначала она показалась почти банальной. Ему было чуть больше тридцати, он хорошо зарабатывал и никогда не относил себя к сторонникам раздельного счёта как принципа. На первом свидании он обычно платил сам, в отношениях любил делать подарки и вообще не испытывал особой тревоги из-за денег. Его раздражало другое. На втором или третьем свидании девушка, с которой он тогда встречался, сказала что-то о мужчине своей подруги: тот предложил ей самой оплатить авиабилет в совместную поездку. «Станный какой-то, — сказала она. — Если мужчина зовёт женщину, он должен платить». Он спросил: «Почему должен?» Вопрос прозвучал для неё почти как признание в каком-то неприятном качестве. «Ну потому что мужчина». «Я понимаю, что тебе так нравится. Я спрашиваю, почему я именно должен». Разговор довольно быстро испортился. Позже он объяснял мне, что при этом сам, скорее всего, оплатил бы билет своей девушке. Его задела не сумма и даже не ожидание. Его задела формулировка обязанности.

В этом различии и находится один из главных конфликтов современных отношений. Человек может хотеть заплатить и одновременно сопротивляться утверждению, что обязан это сделать. Может быть щедрым, но не считать щедрость нало-

гом на принадлежность к мужскому полу. Может соглашаться с традиционным распределением расходов внутри собственной семьи, но не признавать его универсальным правилом для всех мужчин. И наоборот, мужчина может много говорить о равноправии только потому, что ему удобно экономить деньги, хотя во всех остальных областях отношений он предпочитает вполне традиционные привилегии. Поэтому вопрос «почему мужчины стали меньше платить?» плохо подходит для начала разговора. Во-первых, нам ещё предстоит выяснить, действительно ли они стали платить меньше и насколько это вообще можно доказать. Во-вторых, он заранее предполагает, что главная переменная здесь — количество денег. Мне кажется более важным другой вопрос: почему мужчина вообще получил возможность вслух спросить, обязан ли он платить? Ещё сравнительно недавно для большей части общества подобный вопрос звучал бы не как философская позиция, а как нарушение хорошего тона. Сегодня он является предметом открытого спора. Существуют мужчины, которые продолжают считать материальное обеспечение одной из основных мужских обязанностей; существуют мужчины, которые предпочитают брать на себя большую часть расходов добровольно; есть сторонники приблизительно равного участия в семейном бюджете и люди, для которых даже первое свидание естественно оплачивать раздельно. Между этими позициями располагается огромное количество промежуточных вариантов. Это озна-

чает, что меняется не только экономическое поведение, но и легитимность самой нормы.

Обязанность, которая была частью мужской идентичности

В первой главе мы уже видели, что роль мужчины-кормильца исторически складывалась внутри конкретной экономической и социальной системы. Важно, однако, не считать её исключительно внешним требованием общества. Со временем способность обеспечивать семью стала частью того, как мужчина мог понимать собственную ценность. Работа и доход давали ему ресурсы, но одновременно подтверждали взрослость, надёжность, возможность создать семью и выполнить ожидаемую от него роль. Такая связь сохраняется и в обществах, где семьи с двумя работающими партнёрами давно стали обычными. OECD, анализируя нормы маскулинности в разных странах, отдельно выделяет представление о мужчине как о кормильце и финансовом обеспечивающем как одну из наиболее устойчивых гендерных норм. В этой логике способность мужчины приносить ресурсы связана не только с семейным бюджетом, но и с социальным статусом, признанием и правом считать себя состоявшимся.

Отсюда возникает важная двойственность. Роль кормильца действительно давала мужчинам власть, поскольку человек, контролирующий основной доход семьи, обычно обладал и большими возможностями принимать решения, и ис-

торически финансовая зависимость женщин и мужское экономическое доминирование поддерживали друг друга. Поэтому было бы странно описывать традиционную роль обеспечивающего только как тяжёлую жертву мужчин ради женщин. Однако у статуса существовала цена. Если способность обеспечивать становилась одним из критериев полноценной мужественности, потеря дохода могла означать не только материальную проблему, но и удар по самоощущению.

Это подтверждается исследованиями современных пар. Анализ данных из 29 стран показал, что связь мужской безработицы с риском расставания была сильнее в обществах, где нормы мужчины-кормильца выражены сильнее. Авторы не утверждают, что безработица неизбежно разрушает отношения или что всё объясняется одной гендерной нормой; их результат показывает более тонкий механизм: значение потери работы зависит в том числе от культурного смысла, который придаётся способности мужчины обеспечивать. Другие исследования обнаруживают похожую зависимость на уровне самого мужчины. Экономическая зависимость мужчины от партнёрши не оказывает одинакового психологического воздействия на всех мужчин. В одном исследовании мужчины с более традиционными гендерными представлениями демонстрировали большую физиологическую стрессовую нагрузку в ситуации экономической зависимости, тогда как у мужчин с наиболее эгалитарными взглядами такой связи не наблюдалось в том же направлении. Иными слова-

ми, значение имеет не просто то, кто приносит больше денег, а то, что человек считает нормальным устройством мужской роли.

Это довольно хорошо объясняет, почему современный разговор о мужском обеспечении нельзя свести к банковским выпискам. Мужчина может зарабатывать меньше женщины и совершенно спокойно относиться к этому. Другой мужчина с теми же доходами будет переживать положение как личную неудачу. Один будет с удовольствием заниматься детьми, пока жена строит карьеру; другой почувствует, что потерял своё место в семье. Различие между ними существует прежде всего в интерпретации роли. При этом общество само посылает мужчинам довольно противоречивые сигналы. От них всё чаще ожидают эмоционального участия, равного вклада в воспитание детей и уважения к профессиональной самостоятельности женщины. Одновременно финансовая состоятельность по-прежнему остаётся важным элементом традиционного образа привлекательного и успешного мужчины. Эти требования сами по себе не обязательно несовместимы. Проблема возникает, когда к мужчинам предъявляют новый набор обязанностей, сохраняя старые без обсуждения того, как они должны сочетаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.